
ИСТОРИЯ ВЗРОСЛЕНИЯ ГЕРОЯ: К ВОПРОСУ О ПОСТИЖЕНИИ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ГРАНИЦ МИРА В ПЕРВОЙ КНИГЕ РОМАНА И.А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»

М.А. Дубова, В.А. Ермачихина

Московский государственный областной социально-гуманитарный институт
ул. Зелёная, 30, Коломна, Россия, 140 410

Статья посвящена анализу пространственно-временного континуума первой книги созданного в эмиграции автобиографического романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева». Авторы исследуют пути постижения мира и его пространственно-временных границ главным героем произведения Алёшей Арсеньевым с рождения в младенческий и детский периоды до отроческих лет. Отличительной особенностью модели мира в романе, предопределившей и хромотоп произведения, является соединение в его повествовании современности, событий всемирной истории, истории древних цивилизаций и библейских сюжетов. В центре внимания авторов статьи находится путь, который совершает душа человека, приходя из Космоса в земной мир и обретая телесную оболочку, отрываясь от божественной Вселенной, с которой соразмеримы лишь категории Вечности, и «вживаясь» в земной мир, ограниченный пространственными топосами и временными рамками.

Ключевые слова: пространственно-временной континуум, Вечность, Космос, душа, земное пространство, пространственные топосы, внешнее и внутренне пространство, историческое время, событийное время, календарное время, модель мира, жизнь, смерть, младенчество, детство

Литературный процесс начала XX в. привлекает сегодня пристальное внимание филологов, несмотря на многочисленные попытки прочтения произведений этого пестрого, многопланового и сложного периода русской культуры под различными углами зрения. В этом смысле особый интерес вызывает творчество писателей-неореалистов, к числу которых принадлежит и проза И.А. Бунина.

Одной из определяющих примет неореалистической литературы является, как известно, ее философичность, реализующаяся в сосредоточенности на так называемых вечных вопросах бытия: жизни и смерти, добра и зла, человека и Вселенной. Пытаясь осмыслить современную действительность, писатели размышляли о судьбе отдельного человека и его месте в историческом процессе. Эта проблема оказалась и в центре сюжета автобиографического романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева», относящегося к одному из малоизученных произведений писателя, созданных уже в период эмиграции. В центре исследовательского интереса авторов статьи находится проблема пространственно-временного континуума и способов его создания в первой книге романа, посвященной младенческим и детским годам жизни главного героя Алёши Арсеньева.

Написанный в годы эмиграции автобиографический роман И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» (1927—1933 гг.) представляет собой историю юноши, происходившего из мелкопоместных дворян, который родился, живет и взрастет в

условиях русской действительности рубежа XIX—XX вв., повествует «о человеке ищущем, мучительно обретающем и вновь утратившем Дом» [6. С. 24].

По справедливому определению М. В. Михайлова, «феноменологический роман» И.А. Бунина раскрывает «этапы созревания души творческого человека, вернее, этапы формирования творческого отношения к жизни в целом» [3. С. 42]. И действительно, в этом произведении писателя ярко прослеживается «отношение автора к жизни как стихийному потоку (феномену), где важна случайность и непреднамеренность происходящего, где есть попытка возвращения к утраченному и сокрытому смыслу бытия» [3. С. 42—43]. Это положение, на наш взгляд, является определяющим при анализе пространственно-временного континуума романа, состоящего из пяти книг.

Композиционно первая книга «Жизни Арсеньева» включает 21 главу, в каждой из которых, можно сказать, «писатель... страстно постигал цену земной жизни человека» [4. С. 59]. Модель мира, создаваемая в этом произведении, соединила в себе «современность, всемирную историю, историю древних цивилизаций и библейские сюжеты» [2. С. 128].

Пространственно-временной континуум и способы его создания в романе И.А. Бунина. Постигание мира главным героем после рождения начинается с младенческой кроватки. Это то конкретное пространство, которое осмысливается его душой после потери небесной колыбели, поскольку И. А. Бунин подчеркивает неразрывную связь человеческой души с божественной обителью. Именно там, по мнению писателя, она жила до прихода в наш мир. И подтверждением этому являются многочисленные библейские цитаты, введенные в первую книгу. Одной из них произведение открывается: «Вещи и дела, аще не написанныи бывають, тмою покрываються и гробу беспамятства предаются, написанныи же яко одушевленнии...» [1. С. 27]. После чего в следующем абзаце сразу же говорится о рождении героя: «Я родился полвека тому назад, в средней России, в деревне, в отцовской усадьбе» [1. С. 27]. Так оригинально писатель соединяет два пространства: божественное и земное — в эпизоде описания прихода героя в этот мир: «У нас нет чувства своего начала и конца. И очень жаль, что мне сказали, когда именно я родился. Если бы не сказали, я бы теперь и понятия не имел о своем возрасте, — тем более, что я еще совсем не ощущаю его бремени...» [1. С. 27].

С первых же страниц произведения с мотивом прихода в этот мир соединяется мотив смерти, сопровождающий повествование до самого конца:

... был бы избавлен от мысли, что мне будто бы полагается лет через десять или двадцать умереть... Да и правда ли, что не подозревал бы? Не рождаемся ли мы с чувством смерти? А если нет, если бы не подозревал, любил ли бы я жизнь так, как люблю и любил? [1. С. 27].

Таким образом, приход в земной мир сопрягается с постижением двух противоположностей, крайностей бытия — «жизни» и «смерти», «любви» и «ненависти». Этот же мотив отсылает нас и к первому упоминанию героем о своем роде, который относится к тем, «происхождение коих теряется во мраке времен» [1.

С. 27]. И снова воспоминание о предках сопровождается мотивом смерти и божьего суда:

В Духов день призывает церковь за литургией «сотворить память всем от века умершим»... И разве не радость чувствовать свою связь с «отцы и братии наши, други и сродники»... Исповедовали наши древнейшие пращуры учение о «чистом, непрерывном пути Отца всякой жизни», переходящего от смертных родителей к смертным чадам их — жизнью бессмертной... что с каждым рождением должна все более очищаться кровь рождающихся и возрастать их родство, близость с ним, единым Отцом всего сущего [1. С. 27—28].

Завершается эта глава своеобразным композиционным кольцом, отсылая нас к первым строкам, вводящим в повествование мотив божественного. Так, причудливо переплетая воспоминания о своем рождении с переживаниями ставшего взрослым героя в русле постижения Божественного смысла бытия, строит И.А. Бунин свое произведение.

Из воспоминаний Алёша Арсеньев возвращается в сегодняшние дни, в страну, где он живет сейчас, совершенно непохожую на его родину, на то место, где он появился на свет, но вера в Господа дает ему силы выжить, как тогда, в младенчестве, она дала ему возможность почувствовать связь поколений и увидеть смысл в той жизни, куда пришла его душа, получив телесную оболочку:

В стране, заменившей мне родину, много есть городов, подобных тому, что дал мне приют..., в повседневности живущих мелкой жизнью. Все же над этой жизнью всегда — и недаром — царит какая-нибудь... громада собора с бесценным порталом, века охраняемым стражей святых изваяний, и петух на кресте, в небесах, высокий Господний глашатай, зовущий к небесному Граду [1. С. 28].

Эту главу характеризует безусловное доминирование хронотопа Вечности над конкретно-историческим временем и пространством. Отметим, что именно в первой главе книги автор постоянно отмечает единство небесного и земного, словно путь от нетелесного существования (душа) к телесному (тело) и закрепление в нем, что будет подчеркнуто акцентированием конкретно-исторических реалий, постепенно насыщающих повествование, начиная со второй главы.

Вторая глава представляет собой описание младенческого периода жизни героя, когда робко, словно на ощупь, начинает происходить постижение окружающего мира, открытие его для себя. Возможно, поэтому отличительной чертой синтаксической организации этой главы является обилие вопросов: начинается глава с вопроса «Почему именно в этот день и час?» [1. С. 28]; затем семантика вопросов углубляется и наполняется грустной тональностью, мучительным ощущением одиночества: «И вечная тишина этих полей, их загадочное молчание... Но грустит ли в тишине, в глуши какой-нибудь сурок, жаворонок?» [1. С. 29]; «Где были люди в то время?» [1. С. 29]; «Почему же остались в моей памяти только минуты полного одиночества?» [1. С. 29]; наконец, заканчивается глава вопросом, отсылающим читателя к моменту до рождения человека, когда его душа

свободно парила в божественной дали, о которой теперь вынуждена только вспоминать:

...я лежал в темной спальне в своей детской кроватке, все глядела на меня в окно, с высоты, какая-то тихая звезда... Что надо было ей от меня? Что она мне без слов говорила, куда звала, о чем напоминала? [1. С. 30].

Думается, что из-за этой рвущейся связи с Вечностью, из-за «вживания» в мир, который первоначально постигается на уровне природного (в нем отсутствуют люди), и преобладают в этой главе мотивы печали и одиночества:

Младенчество свое я вспоминаю с печалью. Каждое младенчество печально: скуден тихий мир, в котором грезит жизнью еще не совсем пробудившаяся для жизни, все и всему еще чуждая, робкая и нежная душа. Золотое, счастливое время! Нет, это время несчастное, болезненно-чувствительное, жалкое [1. С. 28–29].

Вступая в этот мир, человек теряет свою прежнюю, изначальную связь души с божественным, с Космосом, которая теперь уже ощущается как «мечта и тоска о чем-то недостающем» [1. С. 29], о мире, где «не знают ни зова пространства, ни бега времени» [1. С. 29], что символизирует синее небо и плывущие по нему вечные белые облака:

... тает в этой вогнутой синей бездне высокое, высокое белое облако... Ах, какая томящая красота! Сесть бы на это облако и плыть, плыть на нем в этой жуткой высоте, в поднебесном просторе, в близости с Богом и белокрылыми ангелами, обитающими где-то там, в поднебесном мире! [1. С. 29].

Здесь снова преобладает хронотоп Вечности, реализующийся, в частности, в лексемах «бездна», «поднебесный простор», «близость с Богом и белокрылыми ангелами», «глубина неба». Душа в одиночестве тоскует по тому, что она теряет, покидая Космос и начиная жить в земном мире. Вот откуда сильное чувство одиночества, вызванное, на наш взгляд, в первую очередь тем, что душа утратила связь с Вечностью, а тело еще не ощутило, не осознало себя в этом мире:

Вот вечерет летний день. Солнце уже за домом, за садом, пустой, широкий двор в тени, а я (совсем, совсем один в мире) лежу на его зеленой холодеющей траве, глядя в бездонное синее небо... [1. С. 29];

Вот я за усадьбой, в поле. Вечер как будто все тот же — только тут еще блещет низкое солнце — и все так же одинок я в мире [1. С. 29];

А не то вижу я себя в доме и опять в летний вечер, и опять в одиночестве [1. С. 30].

Начиная с третьей главы земное пространство приобретает конкретные очертания и постепенно расширяется — от младенческой кроватки до размеров усадьбы и города: «эта поездка, впервые раскрывшая мне радости земного бытия» [1. С. 31]. Пространство города маленький герой воспринимает как замкнутое, противостоящее «свободе и деревенской простоте полей» [1. С. 31]. Теперь время уже представляет собой в первую очередь «длительность, последовательность и соотнесенность событий, основанных на их причинно-следственной, линейной или ассоциативной связи» [5. С. 123].

Интересна фраза, открывающая эту главу: «Детство стало понемногу связывать меня с жизнью...» [1. С. 31]. Пространство героя расширяется до «первого в жизни путешествия, самого далекого и самого необыкновенного» [1. С. 31]. Здесь маленький Алёша делает новые жизненные открытия: невиданные дома, гул колоколов с колокольни, вакса, но самым запоминающимся стало «желтое здание» тюрьмы — «то было нечто очень страшное, но и чарующее, сказочное» [1. С. 31]. Думается, эта ассоциативная цепочка: усадьба — город — тюрьма символизирует замкнутый путь человека на земле, прямо противоположный потерянной свободе, воспоминания о которой становятся все менее зримыми:

... слишком скудно знание, приобретаемое нами за нашу личную краткую жизнь, — есть другое, бесконечно богатое, то, с которым мы рождаемся [1. С. 32].

В следующей главе познания земной жизни расширяются. Маленький мирок героя начинают населять люди: отец, мать, два брата и две сестры, нянька. «Детская душа моя начинает привыкать к своей новой обители, находить в ней много прелести, уже радостной» [1. С. 32]. Таким образом, грустное одиночество души, покинувшей небесную обитель, постепенно сменяется радостями земного бытия. Так, в пятой главе Алёша уже отмечает: «... постепенно миновало мое младенческое одиночество... я уже знал, помнил, что я не один в мире» [1. С. 34].

Пространственно-временные координаты мира, который, познает герой по мере взросления, продолжают расширяться: «Постепенно входили в мою жизнь и делались ее неотъемлемой частью люди» [1. С. 34]. Его конкретизируют лексемы со значением сезонности (лето, осень, зима): «Я уже заметил, что на свете, помимо лета, есть еще осень, зима, весна...» [1. С. 34].

Примечательно активное употребление автором при описании детских впечатлений героя лексем с семантикой неопределенности: «*какой-то* зимний вечер с ужасным и очаровательным снежным ураганом за стенами...» [1. С. 34], «*какое-то* зимнее утро» [1. С. 34]; «*какой-то* мрачный апрельский день» [1. С. 35].

Однако, видимо, в силу особенностей детского восприятия мира раннее детство ассоциируется в сознании Алёши преимущественно с летом, с его светлыми, солнечными, теплыми днями:

... повторяю, раннее детство представляется мне только летними днями, радость которых я почти неизменно делил сперва с Олей, а потом с мужичками ребятишками из Выселок [1. С. 35].

Герой растет и, соответственно, продолжают расширяться границы познаваемого им мира:

... постепенно смелея, мы узнали скотный двор, конюшню, каретный сарай, гумно, Провал, Выселки. Мир все расширялся перед нами, но все еще не люди и не человеческая жизнь, а растительная и животная больше всего влекли к себе наше внимание... [1. С. 37].

Как мы видим, пространство дробится и конкретизируется, в пределах усадьбы вырисовываются крупным планом конкретные топосы: скотный двор, конюшня, каретный сарай, рига, гумно, познавая которые, маленький Алёша сно-

ва возвращается к мотиву смерти, понимаемой теперь его детским сознанием как потеря всего живого:

Часто приходит теперь в голову: вот умрешь и не увидишь больше неба, деревьев, птиц и еще многого, многого, к чему так привык, с чем так сроднился и с чем так жалко будет расставаться [1. С. 38].

Мы видим, как, взрослея, герой начинает привыкать и наслаждаться жизнью, понимать ее вкус, хотя размышления о Боге, о том, что он дал человеку, не покидают его:

Почему с детства тянет человека даль, ширь, глубина, высота, неизвестное, опасное, то, где можно размахнуться жизнью... Разве это было бы возможно, будь нашей долей только то, что есть, что «Бог дал», — только земля, только одна эта жизнь. Бог, очевидно, дал нам гораздо больше [1. С. 39].

Наличие отвлеченных существительных со значением размера пространства снова акцентируют его бескрайность и безграничность, противопоставленные топосам, определяющим жизнь конкретного человека. Из усадьбы герой перемещается за ее пределы:

Затем детская жизнь моя становится разнообразнее. Я все больше замечаю быт усадьбы, все чаще бегаю в Выселки, был уже в Рождестве, в Новосёлках, у бабушки в Батурине... [1. С. 40].

Пространство, познаваемое Алёшей, напоминает мозаику, каждый пазл которой прибавляется по мере того, как маленький герой открывает для себя новые места. Также фрагментарно и время. В первых главах книги, описывающих пору младенчества, герой постигал времена года, и его воспоминания носили сезонный характер: лето, осень, зима... Теперь, в период детства, в его памяти фиксируются дни, воспринимаемые по времени суток: утро, обед, вечер.

Много ли таких дней помню я? ... утро... складывается из отрывочных, разновременных картин, мелькающих в моей памяти. Полдень помню такой... бодрое предвкушение уже готового обеда... [1. С. 41].

Познавая жизнь, открывая ее для себя, Алёша снова и снова возвращается к мыслям о смерти, которую воспринимает уже не абстрактно, как что-то далекое и нереальное для себя, а ощущает рядом. В первую очередь, это гибель Сеньки, размышляя о которой, герой приходит к выводу, что «не Сенька дал мне понятие о смерти. Я и до Сеньки знал и в известной мере чувствовал ее. Однако это благодаря ему почувствовал я ее в первый раз в жизни по-настоящему, почувствовал ее вещественность, то, что она наконец коснулась и нас» [1. С. 45]. Таким образом, постижение жизни неминуемо связано с осознанием ее финала, смертности каждого из нас, с настойчивым стремлением раскрыть суть божественного и бессмертного:

Когда и как приобрел я веру в Бога, понятие о нем, ощущение Его? Думаю, что вместе с понятием о смерти. Смерть, увы, была как-то соединена с Ним... Соединено с Ним было и бессмертие. Бог — в небе, в непостижимой высоте и силе, в том непо-

нятном, синем, что вверху, над нами, безгранично далеко от земли: это вошло в меня с самых первых дней моих, равно как и то, что, невзирая на смерть, у каждого из нас есть где-то в груди душа и что душа эта бессмертна [1. С. 43–44].

В главе XI мы впервые узнаем возраст главного героя (до сих пор мы могли определить его лишь приблизительно, руководствуясь лексемами «младенчество», «детство»):

уже довольно высокий, стройный и худощавый мальчик в коричневой косоворотке, в черных люстриновых шароварах, в обшарпанных, но ловких козловых сапожках... я, должно быть, лет семи, а более точно знаю только то, что мальчик мне понравился... я вдруг увидал (как посторонний) свою привлекательность... [1. С. 46].

Примечательно, что с этого возраста проходящие годы, течение которых герой уже не только осмысливает, но и ощущает, ничем особо не запоминаются Алёше:

Дни слагались в недели, месяцы, осень сменяла лето, зима осень, весна зиму... Но что могу я сказать о них? Только нечто общее: то, что незаметно вступил я в эти годы в жизнь сознательную [1. С. 46].

Со вступлением в пору отрочества герой начинает жить насыщенной внутренней жизнью. Таким образом, внешнее пространство, символизирующее этапы познания мира Алёшей, переходит в пространство внутреннее, которое расширяется за счет активного целеустремленного чтения:

«А за Дон-Кихотом и рыцарскими замками последовали моря, фрегаты, Робинзон, мир океанский, тропический...» [1. С. 52], «Всемирный путешественник», «Земля и люди», «Пушкин поразил меня...» [1. С. 53], «У Гоголя необыкновенное впечатление произвели на меня «Старосветские помещики» и «Страшная месть»...» [1. С. 54].

Жизнь героя наполняется новыми знаниями, границы его мира расширяются, появляется вкус жизни и настойчивое желание познать «тайное, неведомое», что скрыто в ее недрах. Однако со смертью сестры Нади и бабушки страх смерти одолевает Алёшу с новой силой и заставляет вновь искать утешения и защиты у Бога:

Смерть Нади, первая, которую я видел воочию, надолго лишила меня чувства жизни — жизни, которую я только что узнал. Я вдруг понял, что и я смертен, что и со мной каждую минуту может случиться то дикое, ужасное, что случилось с Надей, и что вообще все земное, все живое, вещественное, телесное непременно подлежит гибели, тленью... Вскоре все мои помыслы и чувства перешли в одно — в тайную мольбу к Нему, в непрестанную безмолвную просьбу пощадить меня, указать путь из той смертной сени, которая простерлась надо мной во всем мире [1. С. 59].

Теперь мир Алёши расширяется за счет приобщения к тайнам религиозной веры:

И вот я вступил еще в один новый для меня и дивный мир: стал жадно, без конца читать копеечные жития святых и мучеников...» [1. С. 59]; «Я жил только внутренним созерцанием этих картин и образов, отрешился от жизни дома, замкнулся в своем сказочно-святом мире, упиваясь своими скорбными радостями, жаждой страданий, самоизнурения, самоистязания. Я пламенно надеялся быть некогда сопричисленным к лику мучеников и выстаивал целые часы на коленях... [1. С. 60].

Важно отметить, что чем старше становится Алёша, тем страшнее и труднее воспринимает он смерть, в отличие от ранних детских лет, когда смерть осмысливалась как что-то далекое, что не может произойти с ним самим.

Однако, как известно, в детские годы впечатления и привязанности быстро меняются, как картинки в калейдоскопе, и сколь ни сильны они были, детская память быстро избавляется от негативного и тяжелого. Так происходит и в случае с Алёшей:

И длилось это всю зиму. А к весне стало понемногу отходить — как-то само собой. Пошли солнечные дни, стало пригревать двойные стекла, по которым поползли ожившие мухи, — трудно было не развлекаться ими среди «земных метаний» и коленопреклонений... [1. С. 60].

Как ни парадоксально это соседство: постижение таинства смерти, страстное поклонение Богу, с одной стороны, и весенние мухи — с другой, оно свидетельствует об особенностях детского восприятия мира, той счастливой поры детства, которая заканчивается для Алёши со вступлением в отрочество, озаменованным отъездом в город и поступлением в гимназию:

В августе того года я уже носил синий картузик с серебряным значком на околыше. Просто Алёши не стало, — теперь был Арсеньев Алексей, ученик первого класса такой-то мужской гимназии [1. С. 61].

Так завершается первый жизненный цикл героя, открывший ему первоначальные знания о мире, в который пришла его душа, о пространственно-временных границах этого мира, постигаемых как путем чувственного опыта, так и благодаря чтению и самообразованию. Сколько горечи и щемящей грусти в финальных строках первой книги, повествующих о счастливом мире детства, который Алёша, взрослея, навсегда покидает:

... опять охватило чувство близкой разлуки не только с уходящим летом, но и со всеми этими полями, со всем, что было мне так дорого и близко во всем этом глухом и милом краю, кроме которого я еще ничего не видал на свете, в этой тихой обители, где так мирно и одиноко цвело мое никому в мире не ведомое и никому не нужное младенчество, детство... [1. С. 65].

Таким образом, раскрывая историю становления человеческой души с момента приобретения ею телесной оболочки и начала земного существования в период младенческих и детских лет жизни, И.А. Бунин воссоздает поэтапное постижение ею земного мира, границы которого постоянно расширяются, соединяя в повествовании современность, события всемирной истории, истории древних цивилизаций и библейские сюжеты. Этот путь вполне логично можно определить триединством «Космос — земная жизнь — Вселенная».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бунин И.А. Жизнь Арсеньева: Роман; Темные аллеи: Рассказы / Вступ. ст. и прим. О. Михайлова. М.: Литература: Мир книги, 2005.*
- [2] *Ларина Н.А., Дубова М.А. Проза писателей-неореалистов в культурологической интерпретации: сборник программ спецкурсов по народной художественной культуре, искусству, культурологии, образованию. М., 2011.*

- [3] Михайлов М.В. И.А. Бунин // Русская литература XIX—XX веков: в 2-х т. Т. II: Русская литература XX века. Литературоведческий словарь / Сост. и науч. ред. Б.С. Бугров, М.М. Голубков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010.
- [4] Михеева Л.Н. На заре серебряного века. М., 2004.
- [5] Николина Н.А. Филологический анализ текста: учебник для студ. учреждений высш. образования. М.: Академия, 2014. 272 с.
- [6] Роговер Е.С. Русская литература XX века: учеб. пособие. СПб.; М.: САГА: ФОРУМ, 2004. 496 с.

THE HISTORY OF CHARACTER'S GROWING UP: THE QUESTION OF COMPREHENSION OF SPACE-TIME BORDERS OF THE WORLD IN THE FIRST BOOK OF THE BUNIN'S NOVEL «ARSENYEV'S LIFE»

M.A. Dubova, V.A. Ermachihina

Moscow State Regional Socio-Humanitarian Institute
Zelenaya str., 30, Kolomna, Russia, 140410

This article is dedicated to analyze of space-time continuum of the first Bunin's autobiographical novel "Arseniev's life" which was created in emigration. The authors explore ways of understanding the world and its space-time borders of the main character Alesha Arsenyev from his birth through his infancy, his childhood till adolescent years. A distinctive feature of the model of the world in a novel pre-defined its chronotope is a connection of modernity, the events of world history, the history of ancient civilizations, and biblical scenes in his narration. The article focuses on idea of path that the soul of man passes, coming from the Space to the earthly world and finding corporeal shell, breaking away from the divine universe, in which the only category commensurate Eternity, and "live" in the earthly world, limited by space toposes and time frames .

Key words: space-time continuum, Eternity, Space, soul, earth area, space toposes, external and internal space, chronotopos, historical time, event time, calendar time, the model of the world, life, death, infancy, childhood

REFERENCES

- [1] Bunin I.A. Zhizn Arsenyeva: Roman. Tyomnye allei: rasskazy Arsenyev's [Life: A Novel; Dark Alley: Stories] / Entrodactory art. and notes by O. Mikhailova. M.: Literature, World Book, 2005.
- [2] Larina N.A., Dubova M.A. Proza pisateley neorelistov v kulturologicheskoi interpretatsii [Prose writers realists in culturological interpretation] // Collection of programs for special courses on traditional artistic culture, the arts, culture, education. M., 2011.
- [3] Mikhailov M.V. Bunin [Bunin] // *Russkaya literatura XIX—XX vekov [Russian literature XIX—XX centuries: in 2 t. T. II: Russian literature of XX century. Literary Dictionary]* / Comp. and learn. Ed. B.S. Bugrov, M.M. Golubkov. Moscow: State University Press, 2010.
- [4] Mikheeva L.N. *Na zare serebryanogo veka* [At the dawn of the Silver Age]. M., 2004.
- [5] Nikolina N.A. *Filologicheskii analiz teksta* [Philological analysis of the text: the textbook for students. institutions of higher]. Moscow: Publishing Center «Academy», 2014, 272 p.
- [6] Rogover E.S. *Russkaya literatura serebryanogo veka: uchebnyk* [Russian literature of the XX century: Textbook]. 2nd ed. supplemented and revised. SPb., M.: SAGA: FORUM, 2004, 496 p.